

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Берестенников А.Г. — К вопросу о восприятии юридической логики присяжными заседателями (с позиции стороны обвинения) // Право и политика. – 2023. – № 11. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.11.68843 EDN: LRSQSC
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68843

К вопросу о восприятии юридической логики присяжными заседателями (с позиции стороны обвинения)

Берестенников Алексей Геннадьевич

кандидат юридических наук

доцент, кафедра прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

644011, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, оф. 644035

✉ Alex-Blitz@yandex.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2023.11.68843

EDN:

LRSQSC

Дата направления статьи в редакцию:

30-10-2023

Аннотация: Предметом исследования настоящей статьи являются особенности отражения в сознании присяжных заседателей, принимающих участие в отправлении правосудия, юридической логики, которая лежит в основе как уголовного процесса, так и обвинения, предъявленного подсудимому. Рассматривая данную проблему через призму процессуальной роли государственного обвинителя, автор обращается к презумпциям, фикциям и устойчивым выражениям, то есть профессиональным штампам, которые приняты в юридическом сообществе, но могут быть не понятны присяжным заседателям. В статье приводятся примеры таких презумпций, фикций и штампов и раскрывается трудность их понимания их логики со стороны рядового человека. Основные выводы проведенного исследования сводятся к необходимости обращения государственного обвинителя к профилактическому мышлению при выступлении со вступительным заявлением, при формировании вопросного листа и во время выступления в прениях сторон. Государственный обвинитель должен не только знать материалы уголовного дела в совершенстве, но и уметь доступно довести их до

сведения присяжных заседателей. Важную роль должна играть предварительная работа с текстом: из него по возможности следует исключить презумпции, фикции и профессиональные штампы; при невозможности это сделать - необходимо объяснить их суть членам коллегии, отправляющим правосудие.

Ключевые слова:

уголовный процесс, присяжные заседатели, юридическая логика, фикции, презумпции, профессиональные штампы, государственный обвинитель, вступительное заявление, вопросный лист, прения сторон

Судебная реформа и обусловленные ею изменения уголовно-процессуального закона расширили сферу действия института присяжных заседателей; и с 2018 года с их участием рассматриваются уголовные дела, подсудные городским и районным судам общей юрисдикции.

Полномочия присяжных заседателей заметно влияют на ход процесса. Поэтому его участникам надо учитывать множество аспектов: правовых, фактических, психологических и, наконец, культурных. В этой связи вступительное заявление сторон и судебное следствие существенно отличаются от того, что можно наблюдать в общем порядке судебного разбирательства: речь судебных ораторов выходит за рамки официально-делового стиля и изложение фактов ведется не в фабульном, а в сюжетном ключе [\[1, с. 19\]](#); при этом стороны не только предъявляют доказательства, но и убеждают присяжных в своей правоте [\[2, с. 101-106\]](#). Равномерно различаются и прения сторон.

Поскольку в силу закона присяжные заседатели суть судьи факта, доказательства, которые им представляют стороны, являются, позволим себе такое выражение, «рафинированными». Имеется в виду, что перед тем, как предъявить присяжным заседателям какое-либо доказательство, председательствующий судья обязан убедиться в его относимости, допустимости и достоверности. Правовые споры, если они возникают вокруг данных вопросов, разрешаются за закрытыми дверями – в отсутствие присяжных заседателей. И по принятии соответствующего процессуального решения они вновь приглашаются в зал судебного заседания.

Однако было бы легковесно утверждать, что остальное – «дело несложной техники» и что, обосновав свое право на представление доказательства, сторона «попросту» его предъявляет, опуская процессуальные детали, связанные с его получением. Это не так. По крайней мере, с практической точки зрения. Не будет преувеличением утверждать, что здесь-то и начинается суд присяжных в подлинном смысле этого слова.

Разрабатывая тему участия присяжных заседателей в отправлении правосудия по уголовным делам, теоретики и практики уделяют внимание множеству аспектов: от внешнего вида судебного оратора до средств выразительности, в котором можно прибегнуть в ходе выступления в прениях сторон [\[3, с. 38-110\]](#).

На этом пути *ab ovo usque ad mala*, как думается, есть одно место, которое требует и пристального внимания, и одновременной фокусировки двух точек зрения на процесс: формально-юридической и языковой. Это место – обвинение, которое предъявлено подсудимому. Государственные обвинители его кратко выражают во вступительном заявлении, далее – подводят под него доказательственную базу, и, наконец,

резюмируют его в прениях сторон.

Обвинение с точки зрения процесса – это облеченное в правовую форму утверждение о том, что определенное физическое лицо совершило преступление. Независимо от того, где это утверждение содержится (в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном постановлении, акте, заключении и т.д.), оно выражается в официально-деловом стиле. Таковы законы жанра. Каноном для него выступают тексты уголовного и уголовно-процессуального закона, иных правовых актов, а также судебные решения по конкретным делам и акты интерпретации, исходящие от высших судебных органов (таких, как Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ).

Профессиональные юристы привыкли работать с таким языком: он им близок и понятен, поскольку его средства точно отражают охранительные механизмы, которые приходят в движение после совершения криминального посягательства. К профессиональным юристам относятся и судьи, и секретари, и государственные обвинители, и защитники – все, за исключением присяжных заседателей. Будучи людьми рядовыми, они и не говорят, и не думают на юридическом языке. Для них он чужд. Его слова и выражения не резонируют с их опытом и часто не согласуются со здравым смыслом [\[4, с. 23-27; 5, с. 19-23; 6, с. 9-12\]](#).

Попытаемся доказать этот тезис.

Начнем с того, что в соответствии с ч. 5 ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в вопросном листе не могут ставиться отдельно либо в составе других вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого (о его судимости), а также другие вопросы, требующие собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта. На этом правиле делает ударение и Верховный Суд РФ. Так, в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» читаем: «...недопустима постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, с использованием таких юридических терминов, как убийство, убийство с особой жестокостью, убийство из хулиганских или корыстных побуждений, убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, убийство при превышении пределов необходимой обороны, изнасилование, разбой и т.п.»

На практике судьи, формулируя вопросный лист и текст напутственного слова, прибегают к известной технологии, в основе которой лежит парафраз, то есть замена чисто юридических терминов их более или менее развернутым определением. Например, понятие «убийство» может быть заменено «намеренным причинением смерти», «разбой» – «нападением в целях хищения чужого имущества», «похищение человека» – «захватом, перемещением и удержанием потерпевшего в определенном месте» и т.д. С точки зрения вышестоящего суда действия председательствующего в суде первой инстанции, соответствующие описанной логике, будут безупречны, ибо в ключевых процессуальных документах юридические термины будут отсутствовать.

Отвлекаясь от данной мысли, поставим такой вопрос – а согласуется ли описанный подход с задачами государственного обвинителя в процессе? Ответим: да, согласуется, за исключением...

Основная задача судьи в процессе с участием присяжных заседателей – процессуально

грамотно провести разбирательство по делу; основная задача государственного обвинителя – добиться привлечения виновного лица к ответственности. Очевидно, что приведенные задачи пересекаются лишь только частично [\[7, с. 53\]](#). Потому и безупречные решения, сформулированные будто бы нейтральным языком, также лишь в некоторой степени согласуются с намерением государственного обвинителя убедить присяжных в своей правоте.

В чем чисто логически расходятся приведенные позиции?

Думается, что периферию, не входящую в зону взаимного пересечения, составляют презумпции, фикции, а также готовые формулы, условности которых профессиональные юристы подчас не замечают.

Так, презумпция в самом общем виде – это предположение [\[8, с. 31\]](#). Для целей настоящей статьи интерес представляет презумпция свободы, которая означает обязанность судьи обосновывать и мотивировать решение ссылками на такие доказательства и установленные на их основе фактические обстоятельства, которые убеждают в необходимости избрания определенных мер и отступления от принципа уважения личной свободы в пользу общественного интереса [\[9, с. 149\]](#). Отметим презумпцию наименьшего государственного принуждения, которая заключается в следующем: если имеются основания для избрания меры пресечения, то применение наиболее строгой меры пресечения допускается лишь при невозможности применения наименее строгой [\[9, с. 150\]](#). В этом же ряду приведем предположение о добросовестности потерпевшего, с которым в силу требований гл. 6 УПК РФ прокурор выступает со стороны обвинения.

Если профессиональные юристы воспринимают указанные презумпции и предположения, примерно так, как это написано, то рядовые люди подходят к ним с иной мерой, в основе которой лежит житейская логика. Так, презумпция свободы, преломляясь через решение суда о применении к подсудимому, которому инкриминировано особо тяжкое преступление, меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, косвенно может говорить о том, что этот человек не виновен. И, напротив, презумпция наименьшего государственного принуждения применительно к лицу, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, может быть истолкована расширительно: если он дает показание в суде, куда его доставил конвой, присяжные заседатели могут сделать вывод, что этот человек, преступив черту закона, пошел на сделку с правосудием, а значит, ищет выгоды, пытается приуменьшить свою роль в совершенном преступлении и, следовательно, его словам нет веры. Наконец, предположение о добросовестности потерпевшего может быть разбито его речью и внешним видом.

Перейдем к фикциям. Фикция – это нечто, не соответствующее фактам, видимость, вымысел, используемый с какой-то целью [\[10, с. 842\]](#); с правовой точки зрения – юридическое допущение. Не вдаваясь в доктринальные споры, отметим те из них, которые имеют отношение к рассматриваемой теме. К примеру, в ч. 5 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) законодателем использовано фиктивное предположение, что действия организатора, подстрекателя или пособника при недоведении преступления исполнителем до конца носят неоконченный характер [\[11, с. 65\]](#). В ч. 5 ст. 35 УК РФ закреплена фикция, продиктованная стремлением законодателя признать организацию и руководство преступной группой (сообществом) оконченным преступлением [\[11, с. 65\]](#). Более того, вне системной связи со ст. 67 УК РФ фикцией

представляется норма, приведенная в ст. 35 УК РФ.

Попытаемся взглянуть на вышеприведенные допущения глазами обывателя. Предположим, лицо привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 209 УК РФ – ему инкриминировано как создание устойчивой вооруженной группы в целях совершения нападения на граждан, так и все совершенные организованной группой преступления, поскольку они охватывались его умыслом. Если такое лицо фактически не принимало участие в выполнении объективной стороны посягательств, за исключением предусмотренного ч. 1 ст. 209 УК РФ, то тогда, очевидно, что обвинение будет расходиться с действительным положением вещей. Присяжные заседатели могут просто посчитать, что подсудимый не виновен, поскольку он не совершал тех преступлений, в которых он обвиняется. Равномерно не встретит понимания и такая ситуация: предположим, действия соучастников квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ, при этом один из них говорит, что большую часть ударов нанес другой, а тот, в свою очередь, занимает диаметрально противоположную позицию. Если заключением судебно-медицинской экспертизы и иными доказательствами не удалось разделить удары соучастников (на практике это удастся не всегда), то присяжным заседателям будет крайне затруднительно разобраться, кто на самом деле виноват. Совершенно справедливо они будут держаться мысли, что если, например, один из них нанес два удара из 20, а второй – 18, то подсудимые не могут быть одинаково виноваты. Прогнозируемый результат такого дела – оправдательный вердикт в отношении обоих соучастников.

Коснемся готовых формул. Под данным определением автор понимает устойчивые конструкции, или профессиональные штампы, которые обыкновенно используются в юриспруденции, в том числе для описания преступлений. Вот их некоторые примеры: «захват, перемещение и последующее удержание потерпевшего», «противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц», «организованная устойчивая вооруженная группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации». Такие конструкции широко используются как законодателем, так и судьями при формулировании решений и обобщении практики. И по этой причине их переносят в уголовные дела.

Проблема здесь состоит в том, что они, с правовой точки зрения точно отражая признаки криминального посягательства, нужные для рассмотрения уголовного дела по существу, могут расходиться со здравым смыслом. Например, если лица, действовавшие в составе организованной преступной группы, знали друг друга задолго до начала противоправной деятельности (живя в одном месте, они ходили в один детский сад и школу и на этой почве завязали дружбу), то утверждение о том, что они *заранее* объединились для совершения нападений на граждан или организации, будет ложным. В действительности же, они сначала объединились и только потом решили совершать преступления. При прочих равных условиях это логическое несоответствие, заложенное в вопросный лист, может склонить чашу весов, которые находятся в руках коллегии, на сторону защиты.

Можно ли принципиально решить эти нестыковки двух логик – юридической и обиходной? Думается, что нельзя, поскольку глубинная причина отмеченного несоответствия лежит в языковой плоскости. Невозможно, отправляя правосудие, отказаться от использования официально-делового стиля, который, в свою очередь, накладывает шаблон на выражения, употребляемые в устной и письменной речи. Противное означало бы полный отказ от процедурного формата, урегулированного уголовно-процессуальным законом.

Что можно сделать, так это повлиять на мнение присяжных заседателей, выступая перед ними. Для этого государственному обвинителю надо провести большую подготовительную работу прежде, чем приступить к рассмотрению уголовного дела с участием коллегии. Доскональное знание фактических обстоятельств должно сочетаться с профилактическим мышлением, целью которого будет вытравливание (по возможности) из текста вступительного заявления, вопросного листа и прений сторон отмеченных презумпций, фикций и готовых формул, если те так или иначе могут смутить судей факта. Особое внимание надлежит уделить заключительной части процесса, а именно прениям сторон. Подводя итог проведенному разбирательству, государственный обвинитель должен не просто доложить о фактах, установленных при проведении судебного следствия – он должен привести присяжных заседателей к определенному мнению. Для этого там, где требуется, надо делать оговорки и прибегать к развернутым, понятным для рядового человека объяснениям.

Такой подход видится вполне согласующимся с задачами правосудия и требованиями Приказа Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

Подводя итоги, надлежит отметить, что юридическая логика изложения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в ряде случаев может существенно расходиться со здравым смыслом, носителем которого является рядовой человек, отправляющий правосудие в качестве присяжного заседателя. В «зону процессуального риска» попадают фикции, презумпции и профессиональные штампы, используемые юристами. Государственному обвинителю необходимо их различать, перефразировать и доносить их смысл до сведения коллегии. Этот прием при определенных условиях может стать залогом правильного и справедливого разрешения уголовного дела.

Библиография

1. Шестак В.А. Психологические особенности взаимодействия сторон уголовного процесса с присяжными заседателями // Мировой судья. 2019. № 8. С. 16-20.
2. Гулевич О.А. Господа присяжные заседатели: Размышления психолога // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 101-106.
3. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел районными судами, гарнизонными военными судами с участием присяжных заседателей: пособие /Н.Ю. Решетова, А.Н. Разинкина. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017.
4. Беляев М.В. О некоторых способах воздействия на восприятие присяжными заседателями процессуальной информации // Российский судья. 2017. № 5. С. 23-27.
5. Шестак В.А. Поддержание военными прокурорами государственного обвинения по уголовным делам, рассматриваемым военными судами с участием присяжных заседателей // Российский следователь. 2017. № 16. С. 19-23.
6. Алексова А.В. Особенности речи государственного обвинителя в прениях сторон при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей // Законность. 2014. № 7. С. 9-12.
7. Лапин Е.С. Рассуждения о необходимости прений сторон в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 12. С. 52-56.
8. Теоретические и практические проблемы презумпции невиновности обвиняемого в уголовном судопроизводстве (по материалам зарубежной и отечественной практики). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Васильев Л.М. – Краснодар: Сов. Кубань, 2005.

9. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / Е.К. Антонович и др. – М.: Норма, 2017.
10. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2011.
11. Ситникова А.И. Фикции в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. Научно-теоретический и информационно-практический межрегиональный журнал. 2008. № 1 (11). С. 60-67.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «К вопросу о восприятии юридической логики присяжными заседателями (с позиции стороны обвинения)» предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регулирующие общественные отношения, возникающие при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Методология исследования. При написании статьи использовались такие методы как: логический, исторический, теоретико-прогностический, формально-юридический, системно-структурный и правового моделирования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. С 2004 года граждане РФ имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с участием присяжных заседателей. Суд присяжных, несмотря на очевидные достоинства, вызывает самые ожесточенные и не утихающие до настоящих дней споры. Многократно поднимался вопрос о том, что институт суда присяжных нуждается в изменениях (или совершенствовании), и при этом предлагается введение других форм участия граждан в отправлении правосудия. Самым явным недостатком осуществления правосудия с участием присяжных заседателей является то, что они не обладают специальными знаниями в области права и этот факт не дает им получить адекватное представление о рассматриваемом уголовном деле. Более того, судьи психологически более устойчивы, чем обычные граждане- присяжные заседатели. И самое главное, что присяжные заседатели при вынесении вердикта исходят из личного (чаще эмоционального) отношения к преступлению, личности потерпевшего и подсудимого, а также других участников процесса. Эти обстоятельства указывают на актуальность доктринальных разработок по данной тематике с целью совершенствования законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной статьи, тем не менее, можно отметить, что в этой публикации впервые сформулированы заслуживающие внимания положения, например: «...государственный обвинитель должен не просто доложить о фактах, установленных при проведении судебного следствия – он должен привести присяжных заседателей к определенному мнению. Для этого там, где требуется, надо делать оговорки и прибегать к развернутым, понятным для рядового

человека объяснениям». Автором по результатам написания статьи сделан ряд теоретических выводов и предложений, что указывает не только на важность этого исследования для юридической науки, но и определяет его практическую значимость. Силь, структура, содержание. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология. Хотя аббревиатуры, даже общепринятые (например, УК РФ, УПК РФ) при первом упоминании нуждаются в разъяснении. В целом материал изложен последовательно и ясно. Однако в тексте встречаются и грамматические ошибки. Например, несогласованность слов в предложении: «...рассматриваются уголовные дела, подсудные городскими и районными судами общей юрисдикции». Неправильно применяются формы глаголов, в тексте: «могут расходиться». Следует внимательно вычитать текст. Статья структурирована. Хотя, возможно, введение к статье нуждается в доработке, поскольку не соответствует требованиям, предъявляемым к данной части научной статьи. Кроме того, в заключении следовало бы сформулировать те, основные результаты, которые достиг автор в ходе исследования. Тема раскрыта. Содержание статьи соответствует ее названию.

Библиография. Автором использовано недостаточное количество доктринальных источников. В научной статье должно быть не менее 10 научных публикаций в списке библиографии. Тема актуальная, публикаций по данной проблематике много, в том числе, включая публикации последних лет. Ссылки на указанные источники оформлены с нарушением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования. Хотя, возможно, следовало бы обратиться и к представителям противоположной позиции по данной проблематике: «суд присяжных заседателей ведет к повышению качества деятельности органов уголовного преследования и качества правосудия», проанализировать эту позицию.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «К вопросу о восприятии юридической логики присяжными заседателями (с позиции стороны обвинения)» рекомендуется к опубликованию с условием ее доработки. Статья написана на актуальную тему, имеет практическую значимость и отличается научной новизной. Замечания к статье являются устранимыми. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовно-процессуального права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема восприятия юридической логики присяжными заседателями (с позиции стороны обвинения). Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, формально-юридический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована следующим образом: "Судебная реформа и обусловленные ею изменения уголовно-процессуального закона расшили сферу действия института присяжных заседателей; и с 2018 года с их участием

рассматриваются уголовные дела, подсудные городским и районным судам общей юрисдикции. Полномочия присяжных заседателей заметно влияют на ход процесса. Поэтому его участникам надо учитывать множество аспектов: правовых, фактических, психологических и, наконец, культурных". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности (частично последнее сделано - автор упоминает о том, что "Разрабатывая тему участия присяжных заседателей в отправлении правосудия по уголовным делам, теории и практики уделяют внимание множеству аспектов: от внешнего вида судебного оратора до средств выразительности, в котором можно прибегнуть в ходе выступления в прениях сторон [3, с. 38-110]").

Научная новизна работы проявляется в некоторых заключениях автора: "Если профессиональные юристы воспринимают ... презумпции и предположения, примерно, так, как это написано, то рядовые люди подходят к ним с иной мерой, в основе которой лежит житейская логика"; "Можно ли принципиально решить эти нестыковки двух логик – юридической и обиходной? Думается, что нельзя, поскольку глубинная причина отмеченного несоответствия лежит в языковой плоскости. Невозможно, отправляя правосудие, отказаться от использования официально-делового стиля, который, в свою очередь, накладывает шаблон на выражения, употребляемые в устной и письменной речи. Противное означало бы полный отказ от процедурного формата, урегулированного уголовно-процессуальным законом"; "... государственному обвинителю надо провести большую подготовительную работу прежде, чем приступить к рассмотрению уголовного дела с участием коллегии. Доскональное знание фактических обстоятельств должно сочетаться с профилактическим мышлением, целью которого будет вытравливание (по возможности) из текста вступительного заявления, вопросного листа и прений сторон отмеченных презумпций, фикций и готовых формул, если те так или иначе могут смутить судей факта. Особое внимание надлежит уделить заключительной части процесса, а именно прениям сторон. Подводя итог проведенному разбирательству, государственный обвинитель должен не просто доложить о фактах, установленных при проведении судебного следствия – он должен привести присяжных заседателей к определенному мнению. Для этого там, где требуется, надо делать оговорки и прибегать к развернутым, понятным для рядового человека объяснениям" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания читательской аудитории.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет особенности восприятия юридической логики обывателями и дает рекомендации по перефразированию презумпций, фикций и профессиональных штампов, используемых юристами. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 11 источниками (монографией, диссертационной работой, научными статьями, пособием и словарем). С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании работы источников позволили автору раскрыть тему исследования с необходимой глубиной и полнотой.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы

обоснованы в достаточной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя итоги, надлежит отметить, что юридическая логика изложения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в ряде случаев может существенно расходиться со здравым смыслом, носителем которого является рядовой человек, отправляющий правосудие в качестве присяжного заседателя. В «зону процессуального риска» попадают фикции, презумпции и профессиональные штампы, используемые юристами. Государственному обвинителю необходимо их различать, перефразировать и доносить их смысл до сведения коллегии. Этот прием при определенных условиях может стать залогом правильного и справедливого разрешения уголовного дела"), обладают свойствами достоверности и обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания потенциальных читателей.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права и уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования и дополнительном обосновании актуальности его темы.